

существа, есть сама по себе уже этика в ее истоке»¹⁷. Онтология и этика – это не отличные друг от друга и обособленные сферы. Онтология не отграничивает некоторую область первоначал, которая затем прилагается к онтической сфере этики. Онтология суть первоначальная этика, а этика суть онтология.

Деррида также вслед за Хайдеггером предлагает вернуться к тому, что он считает первоначальным смыслом греческого полиса, о котором, он говорит, что перевод его как города или государства не передает всего его значения. Прежде государства, прежде того, что мы называем политикой или политическим, «полис есть это Да, т. е. то, в котором и благодаря которому Dasein является geschichtlich, выступает в качестве истории, исторического истока истории. К этому историческому месту принадлежат не только суверены, люди, наделенные властью: армия, флот, совет, совокупность людей, но и боги, храмы, священники, поэты, мыслители»¹⁸. Деррида подчеркивает тот факт, что полис не ограничивается различием «политики» или «политического» при условии, что он не подчиняется заранее закону и божественной власти. Более того, греческий полис никоим образом не может быть понят как современное государство: бытие человека в его отношении к сущему в целом собирается с помощью полиса, в котором нет ничего политического. Полис находится «по ту сторону» политики, различие между политикой и политическим мешает нам мыслить то, что можно было бы назвать первоначальной политикой. Таким образом, мыслить полис, первоначальную политику, равносильно изъятию его из сферы политического и политической философии для того, чтобы вернуть его собственной сущности, в которой нет ничего политического.

Эти ориентиры позволяют обнаружить определенную направленность обновления метафизических исследований, скрытые за ними общеметодологические тенденции, взаимосвязи этих тенденций с характером социальной практики.

ЗАЧЕМ ФИЛОСОФУ ЛОГИКИ?

А. Г. Кислов

Когда-то, впрочем, по определенным меркам, совсем еще недавно, выступающий в роли заголовка вопрос выглядел бы несколько некорректно, даже не из-за нарочитой его двусмысленности.

¹⁷ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и Бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 216.

¹⁸ Derrida J. The Beast and the Sovereign, Volume I. Chicago. University of Chicago Press, 2009. P. 265.

Во-первых, если речь идет о людях, сами же философы – Аристотель, Боэций¹⁹, Оккам, Лейбниц, а также многие другие – и были логиками, но, что еще важнее – никто кроме них. Во-вторых, если имеются в виду все же теории, употребление множественного числа обладало бы значительной долей условности, речь скорее шла бы либо о различных авторских изложениях единой науки логики, либо о различных философских проектах (в большей или меньшей степени радикальных) альтернатив логике²⁰, сохранивших в своих названиях «след разрыва», прежде всего, таких как «трансцендентальная логика» или «диалектическая логика». Но за XX век ситуация довольно сильно изменилась, «золотым веком Логики» назвал его корифей логико-философских исследований Г. Х. фон Вригт, выступая на IX Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки (Упсала, Швеция)²¹. Употребление столь лестного эпитета может быть объяснено множеством причин, но две из них, пожалуй, самые главные: во-первых, математизация логики, и кажется, что «такого предательства» никак не могут простить в широкой гуманитарной среде (пионеры современных логических исследований – Фреге, Гильберт, Брауер, Гёдель, Чёрч и многие другие – математики); во-вторых, деуниверсализация классической логики и появление множества неклассических логических систем, актуальное научное событие, философское осмысление которого пока только складывается.

Часто, имея в виду специальную научную дисциплину, к термину «логика» применяют эпитет «формальная», впервые это, по всей видимости, было сделано И. Кантом²². Ставшее некогда привычным, сейчас это уточнение оказывается излишним: и поэтому, что все философско-интеллектуальные системы, известные

¹⁹ У Боэция был свой ответ на обсуждаемый нами вопрос: «Логика, скорее орудие, нежели часть философии» (Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 10). Это, ставшее весьма распространенным, инструменталистское видение логики мы попытаемся уточнить. См. также: Лисанюк Е. Н. Утешение логикой? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2004. № 3. С. 35–42.

²⁰ Не путать с альтернативными (неклассическими) логиками, о которых будем говорить дальше.

²¹ Вригт Г. Х. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 80–91.

²² «Так как эта чисто формальная логика отвлекается от всякого содержания познания (все равно, чистого или эмпирического знания) и занимается только формой мышления (дискурсивного знания) вообще, то в своей аналитической части она может заключать также канон для разума, форма которого подчиняется твердым предписаниям, и эти предписания можно изучить, только расчленив действия разума на их моменты, без рассмотрения особой природы применяемого при этом знания» (Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в восьми томах. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 190).

под термином «логика», не исключая содержательных аспектов обоснования, искали принципы именно оформления мышления; и потому, что, несмотря на свободный поиск научного инструментария, именно формальные методы оказались по-настоящему стабильными²³. Последнее иногда становится причиной поспешного мнения о том, что формальная логика не меняет свой облик, «представляя собою пример науки или искусства, сразу доведенного до совершенства гением ее основателя»²⁴. Представление об абсолютной статичности логики, удивительным образом, чрезвычайно живуче, несмотря на открытые возможности обильной критики. Особенно часто делают ссылку на И. Канта, утверждавшего, что со времени Аристотеля логике «не приходилось делать ни шага назад, если не считать улучшением устранение некоторых ненужных тонкостей и более ясное изложение, относящееся скорее к изящности, нежели к достоверности, науки. Примечательно в ней также и то, что она до сих пор не могла сделать шага вперед и, судя повсему, она кажется наукой вполне законченной и завершенной»²⁵. Отчетливую критику подобных заявлений можно представить, проследив развитие логики до наших дней. Этой науке, безусловно, «приходилось делать шаги», и за два с половиной тысячелетия ее история пережила три крупных периода своего развития²⁶, которые можно обозначить как античная логика (IV–III вв. до н. э.), схоластическая логика (XII–XIV вв.) и современная логика (вторая половина XIX в. – начало XXI в.), причем, всякий раз можно было наблюдать совпадение активных логических исследований с особым положением проблемы языка в философии той или иной эпохи. Нетрудно увидеть, что если сомнения в динамике логических исследований и были спровоцированы давностью и непростой различимостью первых двух периодов, из соображений удобства иногда объединяемых названием «традиционная формальная логика», то последний период, названный «символическая (или математическая) логика», оказался настолько радикальным, что должен бы был избавить от сомнений.

Однако многие из тех, в принципе, немногих, кому предоставлялась возможность получить знакомство с логической культурой в рамках высшего образования, предпринимают, кажется, неимоверные усилия, чтобы остаться не особенно-то посвященными

²³ См., например: Драгалина-Черная Е. Г. Неформальные заметки о логической форме. СПб.: Алетейя, 2015. 202 с.

²⁴ Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. Екатеринбург: Деловая книга, 1997. С. 9.

²⁵ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в восьми томах. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 14.

²⁶ Вригт Г. Х. фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 80.

в современные таинства «странной и магической науки Логике»²⁷. Впрочем, наблюдаемый даже в образованной и интеллектуально искушенной среде, дефицит внимания к многочисленным современным, в том числе и философским, логическим исследованиям легко объяснить: освоение прогрессивно увеличивающегося технического материала современной логики достаточно трудоемкое занятие, требующее затрат физических, психических и временных ресурсов. Отсюда еще более очевидным становится то, что «в нынешней ситуации беспокоит не столько некомпетентность некоторых философских интерпретаций таких известных результатов, как теорема Гёделя, сколько нежелание (или неспособность) многих философов, следуя Сократу, признать всю меру своей некомпетентности»²⁸.

За прошедший век широкое распространение получили исследования модальной и интенциональной логики, системы, ограничивающие те или иные законы и принципы классической логики, образовали спектр неклассических логик. Развитые семантики интенциональных логик (алетических, эпистемических, деонтических, временных и мн. др.) релятивизировали понятие истины, например, относительно «возможных миров», неклассические логики (многозначная, интуиционистская, паранепротиворечивая, релевантная и мн. др.) релятивизировали понятие общезначимости (логического закона) и координированное с ним понятие логического следования относительно различных (альтернативных) логических систем.

Однако, указанная выше высокая оценка успехов логики в философии XX века неожиданно компенсируется заявлением фон Вригта, что логики не будет среди ведущих направлений в философии первого века III тысячелетия²⁹. Уважение к автору этой реплики, повлиявшему на развитие логики в самых различных ее областях, не позволяет игнорировать столь пессимистическое заявление. Некоторые считают, что мысль была выражена просто неудачно, излишне ригористично, другие же видят здесь указание на смену теоретического акцента логических исследований акцентом прикладным, даже технологическим. Прикладные исследования, безусловно, важны для любой науки, но проблемы, с которыми логика вошла в новое тысячелетие, имеют именно теоретический, в значительной мере философский, а порой и общекультурный

²⁷ Выражение принадлежит профессору А. С. Карпенко, произнесено во время выступления, посвященного памяти выдающегося российского логика и философа В. А. Смирнова.

²⁸ Хинтиikka Я. Логика в философии – философия логики // Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. С. 36.

²⁹ Вригт Г. Х. фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 89.

характер. Прежде всего, возникла потребность в кардинальном пересмотре традиционных взглядов на логические исследования в соответствии с ситуацией сосуществования логических систем различного типа, и в этом смысле логике необходим «подлинный век критики» ее научного и культурного статуса. Во-первых, не стоит преувеличивать практическую (инструменталистскую) роль логики, причем не только в технически ориентированных областях знания. Когда, к примеру, Ст. Тулмин говорит, что «логика является обобщенной юриспруденцией»³⁰, необходимо помнить об ограниченности контекста его вполне уместного в определенном смысле заявления. Во-вторых, не стоит абсолютизировать и теоретическую чистоту логики. Нередко встречается скептический взгляд на саму возможность какого-либо обоснования логики, опирающийся на незрелое представление о почти религиозной святости либо логических законов (что устарело), либо методов (обычно – теоретико-множественных) построения логических систем. Слова Я. Лукасевича: «...сколько бы я ни занимался даже мельчайшей логической проблемой, ...всякий раз меня не покидает чувство, что я нахожусь рядом с какой-то мощной, неслыханно плотной и неизмеримо устойчивой конструкцией. Эта конструкция действует на меня как некий конкретный осязаемый предмет, сделанный из самого твердого материала ... Ничего я в ней изменить не могу, ничего сам произвольно не создаю, но изнурительным трудом открываю в ней все новые подробности, достигая непоколебимых и вечных истин. Где и чем является эта идеальная конструкция? Верующий философ сказал бы, что она в Боге и является Его мыслью»³¹, – наполнены глубоким смыслом, но эти слова не относятся ни к одной из осуществимых систем. Логика полагается (явно или нет) в основу любого анализа, но это никоим образом не оправдывает намерение ставить ее саму вне всякой критики. Говоря об особом статусе логики в науке, следует отметить принципиально авторефлексивный характер ее знания: логика обосновывает принципы обоснования; т. е. логика определена общей способностью разума строить рассуждения независимо от всякого опыта. Таким образом, постановка вопроса о возможности логики, определение источников и границ логического анализа в различных контекстах, к чему приводит деуниверсализация классической логики, осуществимы лишь с позиций критики самого чистого разума. Общая идея такой критической установки, а именно – исследование границ применения наших познавательных способностей, в рамках обсуждаемой проблемы соответствует пониманию построения локальной

³⁰ Toulmin St. The Uses of Argument. Cambridge, 1958. P. 7.

³¹ Лукасевич Я. В защиту логики // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 232.

(неуниверсальной) логики как стремления «сконструировать схему для рассуждений, скорее подходящих для простых смертных, чем для ангелов»³², и этот агностицизм контекстуален, причем «в духе Канта».

Полагая «само собой разумеющейся» общественную действенность логики, когда в современной ситуации сама же эта действенность не может быть осознана вне признания социального и культурного многообразия, трудно избежать противоречия с таким немаловажным, но отнюдь не популярным аспектом гуманизма, который, как нам представляется, радикально заявлен словами «господина Теста», талантливой и совершенно невыносимого персонажа Поля Валери: «Следует просто-напросто помнить, что между людьми существует лишь два вида отношений: логика и война. Всегда требуйте доказательств – это элементарная вежливость, которую люди обязаны соблюдать по отношению друг к другу. Если вам в ней отказывают, знайте, что вы подвергаетесь нападению, и вас пытаются принудить к повиновению, не стесняясь в средствах»³³. Как же быть? Торопливые устремления избавиться от всяких стандартов рациональности, как и жесткие требования раз и навсегда подчиниться предзаданным правилам, имеют одинаково горький привкус социальной памяти. И здесь обнадеживает готовность современной логики быть по-философски критичной в поиске новых стандартов рациональности.

ЛОГИКА КАК ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

А. В. Перцев

С XIX века у историко-философской науки принято разделять два противоборствующих направления – сциентизм и антропологизм. Представители сциентизма, также как и представители антропологизма выступают как естественные наследники традиций просвещения, однако каждое из течений наследует только одну из его сторон. Сциентизм полагает, что цель человека это познание, а потому ученый – это высшее назначение человека. Только наука является достойным человека занятием, поскольку человек – *homo sapiens*. Все прочее в человеческой жизни – как эмоции и чувства, так и рутинная повседневность, не требующая применения разума, сциентизмом третируется. По меньшей мере, науку сциентизм считает общечеловеческим призванием, а всякого рода моральные

³² Да Коста Н., Френч С. Непротиворечивость, всеведение и истина (или попытка сконструировать схему для рассуждений, скорее подходящих для простых смертных, чем для ангелов) // Философские науки. 1991. № 8. С. 51–68.

³³ Валери П. Юная парка. Стихи, поэма, проза. М.: Текст, 1994. С. 66.